

КАЖДЫЙ большой художник сцены обретает признание своими творческими открытиями, будь то проложенные в искусстве новые дороги, сыгранные роли, поставленные спектакли. Какие же открытия сделаны Павлом Александровичем Марковым? Почему без него просто немислимо представить себе наш театр?

Ответить на эти вопросы, значит, охватить взором всю редкостно-разнообразную работу ученого и театрального писателя, педагога, оратора, общественного деятеля. Далее мы попытаемся оттенить некоторые грани марковского творчества, а для начала хотелось бы найти самые главные, решающие слова. Мне кажется, что Павел Марков олицетворяет все лучшее, что есть в нашем театре, — его идеалы и энергию таланта, требовательную правду и совесть. Именно так, и это не преувеличение, не пышная фраза, а вполне конкретное выражение роли, правильное сказать, миссии П. Маркова в советском сценическом искусстве. Когда однажды Вл. И. Немировича-Данченко спросили, как называется в руководимом им театре должность, занимаемая Павлом Александровичем, он подумал и сказал: «Не знаю. Марков — это Марков». Такова его «должность» и во всем нашем театре на протяжении вот уже более полувека.

Всему начало живой, неистребимый интерес Маркова к театру, к тому, что в нем происходит. Однажды я спросил Павла Александровича, сколько — хотя бы по приблизительным подсчетам — видел он на своем веку спектаклей. Он засмеялся своим характерным, прерывистым смехом, запечатленным еще М. Булгаковым в «Театральном романе», и, конечно, не мог ответить на мой наивный вопрос.

Перелистываю верстку третьего тома, выходящего сейчас в свет его собрания сочинений, и возникает ощущение, что он видел все — от великих сценических произведений до ныне заслуженно забытых, часто ничтожных спектаклей. Читаю книгу «В театрах разных стран» и удивляюсь обилию впечатлений и знаний автора в мире современного зарубежного театра.

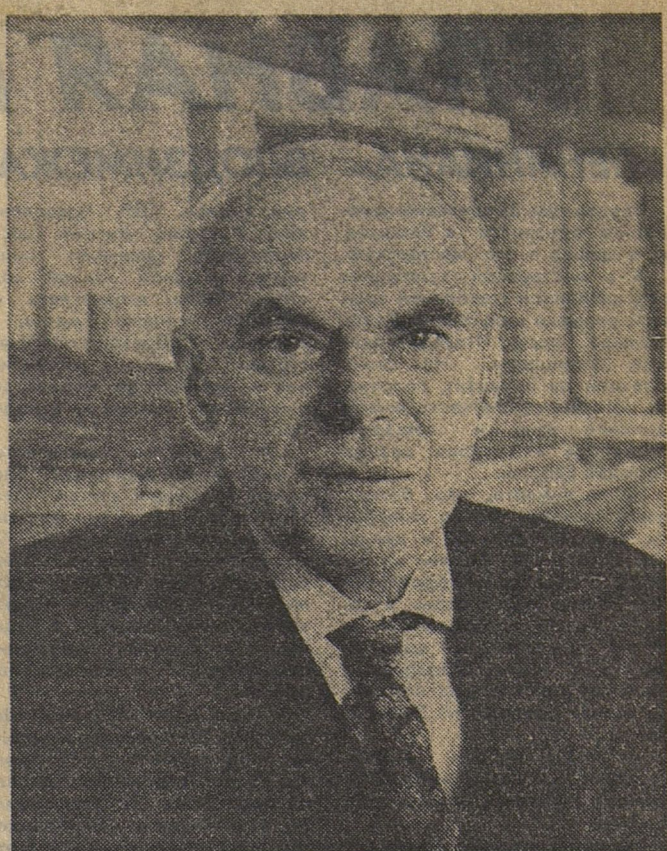
Так и сейчас: мы постоянно видим, как в дни премьер и рядовых спектаклей Павел Александрович со своим верным другом, помощницей, сестрой Марией Александровной пробираются по рядам на свои места. И в театре знают, что спектакль смотрит Марков, и ждут его доброжелательного, но всегда честного и строгого слова, будь то увенчанные славой мастера или юные актеры и режиссеры.

П. Марков постоянно в театре, потому что это ему интересно. Но интерес его не созерцательный, а энергичный, деятельный.

Известно, реалистический театр не может работать, дышать, существовать без кровного родства с литературой. Будет справедливо, если мы скажем, что именно Павел Марков сделал особенно много в сближении сцены и большой литературы — классической и современной. Работая долгие годы в Художественном театре, он был не только верным помощником и советником его великих основателей, но вдохновителем и строителем советской драматургии. Широкие связи с писателями, дружеские отношения с ними, длительные, мучительные разговоры о новой пьесе, изощренные, порой лукавые приемы соблазнения прозаиков и обращение их в театральную веру, вполне практическая помощь в решении незнакомых задач — все это диктовалось, конечно, тем, что Художественному театру по-прежнему нужна была современная драма. Однако сейчас, с высоты исторического опыта, в этих, казалось бы, локальных фактах формирования мхатовского репертуара мы видим нечто более широкое и значительное для всего советского театра. Кто знает, быть может, и не вступили бы на тернистый путь драматургии Всеволод Иванов, Леонид Леонов, Михаил Булгаков, Валентин Катаев, если бы не Художественный театр, не Марков. На афише «Дней Турбиных» или «Бронепоезда 14-69» не значится его имя, но в прославленных спектаклях — сильный заряд марковской энергии.

П. Марков поставил немало спектаклей в драматическом и музыкальном театрах — иные из них насчитывают многие годы сценической жизни. Но было бы заблуждением ограничивать этими спектаклями участие Маркова в создании высоких художественных ценностей советской сцены. Возможно, не было и нет в нашем театре другого человека, который исподволь, незаметно для окружающих так чутко и действенно помогал артистам, был им необходим.

«Я очень засел у меня в голове и сердце, что трудно забыть тебя», — писал Маркову Н. П. Хмелев. — Разбираясь в своих мыслях и не видя тебя, я все больше и больше привязываюсь к те-

люди искусства

ВЫСОКАЯ ДОЛЖНОСТЬ

А. АНАСТАСЬЕВ

бе. Не забывай меня. Хочется долго говорить с тобой и поделиться всеми своими тревожными думами об искусстве, театре, о людях и о самом себе...

Хмелев — многолетний соратник Маркова, товарищ по Художественному театру. Но вот признание другого великого артиста из другого театра — Б. В. Щукина:

«Глубоко взволнован Вашей статьей. Портрет актера, так талантливо и увлекательно нарисованный Вами, принимаю как аванс, мне выданный Вами с большой щедростью и сердечной теплотой. Спасибо за доверие».

Доверие. Вот то слово, которое, пожалуй, точнее и полнее всего выражает отношение людей театра и зрителей к Павлу Александровичу Маркову, к тому, что он думает и что пишет об искусстве. А писательство, работа историка театра и театрального критика не только неотрывны от всей его деятельности, но занимают в ней центральное место, составляют главный его вклад в советскую художественную культуру.

Мы уже говорили об издании собрания сочинений П. Маркова под общим названием «О театре». Это первый случай в театроведении, и произошел он не только по праву старшинства, опыта и таланта автора, но по глубине, значительности и актуальности его книг и статей. Вышли уже два тома — «Из истории русского и советского театра» и «Театральные портреты». Скоро появится третий, а затем и четвертый тома, составляющие «Дневник театрального критика». Можно с уверенностью сказать, что четыре тома в строгих черных переплетах означают событие в жизни нашего театра и театральной мысли.

Редкий дар писателя и глубокая, разносторонняя эрудиция ученого, живое чувство искусства и аналитический склад ума, спокойная, уверенная объективность суждений и взрывчатый темперамент критика — вот особенности сочинений П. Маркова. Поэтому трудно, невозможно определить их жанр. Главы о предыстории и расцвете Малого театра — это ученый трактат, но возникает ощущение, что автор видел на сцене Щепкина и Мочалова. В краткой рецензии на спектакль «Шторм», напечатанной в «Правде» после премьеры, отмечено локальное явление на сцене, но в ней угадано одно из важнейших будущих направлений в советском театре. «Дневник театрального критика» можно бы назвать летописью советского театра двадцатых годов, настолько обширна здесь панорама театральной жизни той поры. Однако слово «летопись» решительно не подходит к обзорам и рецензиям Маркова, где объективная правда неотрывна от ярко выраженной гражданской и эстетической позиции критика.

Приметим одно существенное явление: в указателях имен, прилагаемых к книгам о театре и драматургии, непременно есть имя П. Маркова со ссылкой на множество страниц. Говорю с полной ответственностью: нет ни одной театроведческой работы, будь то капитальные исследования, монографии, мемуары, в которых авторы не обращались бы к суждениям П. Маркова. Конечно, привлекают всеми признанный авторитет критика, точность его мыс-

ли, умение лаконично вывить самую суть художественного явления, сила и логика аргументации. Но дело не только в этом: Марков показал советский театр прошлых лет таким, каким он был в действительности, свободным от конъюнктурных оттенков и наслоений, от чинопочитания и лести.

В своих суждениях об искусстве он руководствовался только объективным анализом и не делал поправок на заслуги, славу и общественное положение художников. Ведь даже Станиславский, Немирович-Данченко, Мейерхольд читали о себе критические замечания молодого литератора. Здесь заключен урок для каждого из нас и для всей нынешней театральной критики.

Но, быть может, самое главное, что отличает театрального мыслителя и критика Павла Маркова, заключается в его принципиальности, дальновидности, прозрачности. Это ведь факт, что ранняя работа, написанная в пору, когда автору едва перевалило за 25 лет — «Новейшие театральные течения», сохранила свое значение и в наше время, что увиденное еще в зародыше взаимовлияние и взаимобогащение разных творческих направлений определило дальнейший путь театра социалистического реализма.

Книги Маркова — здесь надо назвать еще «Историю моего театрального современника».

«Режиссура Вл. И. Немировича-Данченко в музыкальном театре», подготавливаемую к печати «Книгу завлита» — составляют наше идейное и творческое богатство, они вооружают советский театр в художественном постижении новой, современной жизни. Но есть у Маркова еще одно «произведение» — я говорю о его учениках. Не только о тех, кто прошел марковскую школу на студенческой скамье и в аспирантуре ГИТИСа — таких огромное множество, и каждый из нас, знаю это твердо, взял у учителя что-то очень важное и навсегда сохранил к нему благодарное чувство. Однако марковская школа куда шире: это то человеческое, нравственное влияние, которое испытали и испытывают актеры, режиссеры, критики разных поколений, даже не слышав увлекательных лекций профессора, не работав с ним в театре, даже те, кто живет и работает далеко от Москвы. Только глухие к жизни и искусству люди или упрямые догматики не воспринимают этого влияния. Но тут уж ничего не поделаешь.

Много талантов у Павла Александровича Маркова, и, быть может, самый главный — дар открытой людям души, умение быть всегда самим собой, жадный интерес ко всему, что творится вокруг, ко всему новому в искусстве. Вот почему, наверное, во всегда открытым марковском доме равно рады приходу знаменитого художника и юной гитисовки, вот почему, несмотря на годы, Павел Александрович постоянно в работе, в общении с людьми — в театре, в институте, за письменным столом и в дружеских беседах, затягивающихся нередко за полночь. Здесь обаяние крупной личности, человека, живущего в искусстве большой и прекрасной жизнью.

● Павел Александрович Марков. Фото В. Кузнецова.